

Наталья
СТОМОНАХОВА

г. Петрозаводск

СЕВЕРНАЯ ЮДОЛЬ¹

рассказ

От автора

*Поезд располагает к беседе...
Нередко случайные попутчики охотно
рассказывают о себе.*

*Бывают такие нечаянные встречи,
которые потом ещё долго не отпускают,
всплывая в памяти. Прошло много лет,
а эта история нет-нет да и напомнит о себе.*

Зачем?

*Возможно, для того, чтобы каждый
прожитый день воспринимался как подарок.*

Катер подходил к небольшому острову, обдуваемому со всех сторон северными морскими ветрами. Нынче это полузабытый островок с возвышающейся над ним старой часовней, а когда-то давно он был благословенным местом. Попавшие в шторм рыбаки искали здесь спасения, монахи — уединения. А «прославил» в своё время остров крупнейший в Советском Союзе исправительно-трудовой северный лагерь особого назначения — СЛОН.

Шли годы, одна эпоха сменяла другую, но что было неизменно — это имя острова Плачущий. Подплываешь и видишь: небо будто плачет над ним — даже в солнечную погоду моросит дождь. Но это только кажется. В любую погоду ветер разбивает волны о каменистый берег и разносит по острову водяную пыль Студёного моря.

С пришвартовавшегося в каменной гавани катерка сошли высокий мужчина в годах с букетом полевых цветов и молодая черноволосая женщина. В руках она несла небольшой венок из еловых веток с вплетенными в него белыми розами. Они направились к часовне, перекрестились и вошли вовнутрь. Побыв там всего несколько минут, снова стали спускаться к воде. Мужчина один за другим ронял полевые цветы, будто размечал за собой тропинку, — к морю подошел уже с пустыми руками. Женщина нагнулась и опустила в воду венок с траурной лентой. Отхлынувшая волна подхватила его и понесла в море. Они долго стояли и смотрели на него, пока он не скрылся из виду. Большая вода словно дышала, лениво серебрясь под холодным белым солнцем. Шелонник² разбивал воду о скалы, осыпая пару морской пылью, а они всё не уходили.

Тишину нарушил судовой колокол. Женщины взяла под руку своего спутника, и они, так не обмолвившись и словом, пошли обратно. Катер отчалил от берега, взяв курс на другой остров — Большой, с лесами и озерами.

1

На берегу Кúбенского озера в окно старинного дома-пятистенка с мезонином и кружевными наличниками полувековая рябина тревожно колотила веткой, как костяшками пальцев. Словно предупреждала, что торговый путь по рекам Кúбене, Ваге и Северной Двине на Северное море закрыт: не ходи, мол, не суйся туда. Но в доме было не до того...

— Ах, Шурка, Шурка, пошто ты к этим антихристам подался? Горе ты мое! — причитала высокая статная Прасковья, глядя, как ее сын ест наваристые щи.

— Ма, так не поиди я, батю расстреляли б. Он же уклонист, в колхоз не вступил, — виновато оправдывался широкоплечий парень, попутно уплетая материн суп.

— Собрали всех лентяев и думают, жить хорошо будут! Жить хорошо каждый хочет. А работать? Нет! — Прасковья обречённо вздохнула и, чуть успокоившись, спросила: — Сынок, с отцом-то что будет?

Шурка отложил ложку, помолчал.

— Ма, ссылка не расстрел, — пытался обнадёжить он мать. — Может, как-то бате помогу... Чай, я теперь сотрудник НКВД.

— Шурка, свернёшь ты себе башку! Чем жить будем без вас с отцом? — Прасковья снова завелась, украдкой утирая набежавшую слезу краем фартука.

— Не сверну. Лучше Козью шапку береги, — усмехнулся Шурка.

— Сатана, перестань сестру дразнить козьей шапкой! — погрозила мать пальцем. — Который раз тебе рассказываю: носит она эту шапку, чтобы супостаты бельма на неё не пялили. Вишь, новая власть, и женихаться им по-новому подавай. Тыфу! Пьянчужек да лодырей нам не хватает.

— Хороша затея, запахом женихов отпугиваете. — Шурка снова хохотнул и встал из-за стола, росту в нём было без малого два метра.

— Ну, погоди у меня! — Прасковья полотенцем хлестнула по широким плечам сына и вдруг заплакала так горько.

— Мама, да не плачь ты. Сама говорила, что наш Мартиниан на шесть поколений род отмолил. Ты Люську лучше никуда не пускай. Вернусь — жениха хорошего найду.

Раздумывая, перекреститься или нет, он приобнял мать за плечи и глянул в красный угол, где за картинкой скрывалась небольшая икона. В Бога-отца он верил, а в церковь не ходил. Всё же, поцеловав мать в макушку, осенил себя крестом.

— Шурка, я тебе порты переделала, в поясе потаённый кармашек смастерила и три золотых червонца припрятала... — сквозь слезы шептала она. — А дядька Вася в кожаный ремень заделал пятирублёвки царские да маленько золотиночек, с прииска привезённых. Ежели чё, так ты откупись, не жалей. Да котомку-то береги!

— Мам, так дядька-то Вася бедный у нас, — подмигнул Шурка.

— Дядька умный у нас. Ну, не болтай, не болтай... Желанный ты мой, сыночка, вертайся, — Прасковья умоляюще прижала руки к сердцу.

— Вернусь обязательно! Ждите!

Они вышли во двор, где Шурку уже ждала подвода. Сестрица Люська рыдала, дядька Вася топтался возле телеги, проверяя колёса.

— Люська, мать не расстраивай, слушайся. Да и за дядькой Василием приглядывай, а то за его старательство будут нам две беды и обе не белы.

Шурка чмокнул в лоб сестру, подошел к дядьке.

— Ты, паря, прям в зебель³ идёшь. В Коле с одной стороны — море, с другой — горе, с третьей — мох, а с четвертой — ох!⁴ Рот-то не раскрывай, а ежели что — я на выручку прискачу.

— Прискачет он! — насмешливо подняв брови, хохотнул Шурка. — Дядько, на тебя теперь все остаётся.

— Шурка, кого учишь? А?! Кого учишь, сопляк?

Дядька поднял было руку, чтобы залепить племяннику подзатыльник, но дотянулся только до Шуркиного плеча и смущённо почесал свой затылок. Подвода, скрипнув, тронулась. Не оборачиваясь, Шурка торопливо до-

гонял. Он знал, что родичи толпятся возле крыльца и будут смотреть ему вслед, пока он не скроется за поворотом...

2

Слякоть сырой осени сменилась изморозью с холодными пронизывающими ветрами. Первый снег выпал в последнее воскресенье октября, а в понедельник к полудню уже и растаял. Лишь к концу месяца мороз скакнул до минус двадцати, да так и заморозил грязную кашу. Бесснежные ноябрьские морозы по ночам казались крещенскими.

Пробирающий до костей ветер заползал под шинели солдат, выстроившихся на плацу. Маленького роста, напоминающий колобка, майор уже как четверть часа суетливо бегал перед строем и придирался к солдатам. Наконец из дежурки вышли несколько офицеров, среди которых выделялся один — высокий, холёный, с отменной выправкой. Офицеры остановились перед солдатами, колобок отрапортовал, что взвод построен и готов к любому заданию. Холёный офицер с интересом рассматривал вытянувшихся в струнку бойцов. Колобок произнёс речь, его слова молоточками вбивали в мозг солдат ненависть к изменникам родины. Шурке не хотелось слушать речь колобка, но и зажать уши не мог, он стоял, смотрел вдаль, кусая губы.

Завершив, Колобок гаркнул:

— Шаг вперед! Сержант Марьян... Титов...

После оглашения списка впереди взвода оказалось человек десять. Им родина доверила стержень врагов народа. Во главе с майором Тихим ребят отвезли на вокзал, погрузили в поезд, идущий на север, к Студёному морю.

Мимо окна поезда сплошной чередой мелькали заснеженные поля, леса, запорошенные деревушки. Шурка лежал на верхней полке. Уставившись в окно, думал, как ему найти отца. Ещё недавно всё казалось так просто, а сегодня он сержант и понимал, что это все равно что искать иголку в стоге сена. Дальше, если повезёт, куда его? Всё, что он сможет, это кормить его. От мысли, что он должен стать надзирателем собственного отца, Шурку даже стало подташнивать.

— Не спишься? Неизвестность страшит?

Шурка от неожиданности вздрогнул, он не слышал, как к нему подошел офицер.

— Товарищ майор, — громко начал Шурка, но тут же осёкся, увидев, что тот приложил палец к губам: — За себя не боюсь, — зашептал парень. — У меня дома остались мама, сестрёнка и больной дядька. Что они без меня делать будут — не знаю.

— А отец твой где? — спросил майор, не отводя тяжелого взгляда от Шурки.

— Ну, э-э... Выслан как враг народа. В колхоз не хотел вступать, в моем деле написано всё, — сказал Шурка и с вызовом посмотрел майору в глаза.

— Проявляешь своё сопротивление, но я тебе не противник. Смелчак, отдыхай, завтра у тебя начнется странная... страшная жизнь, — майор стремительно развернулся и вышел в тамбур.

Шурка ничего не понял из сказанного майором, но почему-то почувствовал доверие к этому человеку.

Рано утром майор Тихий поднял солдат и, пока ребята, переговариваясь под стук колёс, пили горячий кипяток и грызли сухари, смотрел на них со стороны, приглядываясь к каждому.

На вокзале выдали тулупы, усадили в розвальни и повезли к морю. На побережье сани съехали на лёд и заскользили в метель. От крепкого севера⁵ немели лица, солдаты прятали их в воротниках тулупов. Только Шурка не прятался, он старался рассмотреть в снежной кутерьме очертания острова. В горле пересохло, высунув язык, ловил снежинки. Уже стало казаться, что они заблудились, среди пассажиров пробежал ропот. Как возница находил дорогу в снежной кутерьме, трудно было понять.

— Чаво, паря, боязливо? — Возница хлестнул коня — тот прибавил ходу.

Снежная заверть незаметно стихала, можно было увидеть, как снежинки падают плотной стеной. Впереди эта стена надвигалась со скоростью бегущей лошади. Щурясь, солдаты всматривались вдаль, выглядывая монастырь.

И всё же появление монастырских стен было неожиданным.

— Твою мать!..

Кто-то из солдат выругался, кто-то присвистнул.

— Робяты, негоже перед храмом мамку так почитать, остров этого не любит, — сказал возница и подстегнул коня.

Но вряд ли, кроме майора Тихого и Шурки, кто-то услышал его слова.

3

Зима на острове в основном мягкая, зависит от ветров, часто меняющих направление, ветреных дней в году больше половины. Но обычно раз в четыре года, особенно суровой зимой и по-осеннему холодным летом, природа напоминает обитателям острова, что это север.

Когда льды запирают острова, чёрные ночи опускаются на архипелаг, лишь на несколько часов уступая место дневному свету. Сполохи северного сияния прорезают небо то голубовато-зеленым, то фиолетово-розовым, иногда оно похоже на мерцающий туман, иногда на купол или чертит небо радужными волнами и зигзагами. Каждая северная заря неповторима. Белые ночи приходят на смену темным дням, острова закипают пёстрыми красками: одни — разноцветьем лишайников, порослью кустарников, причудливыми формами полярных березок, оголившимися от снега берегами с нагромождениями валунов; другие — пляжами с плотным песчаным грунтом — ягрой и лиственными лесами с дивной ягодой поляничкой. Есть в архипелаге острова только хвойные, а есть сплошь покрытые болотами, с расцветом на них опускается сизовато-дымчатый туман, и от этого кажется, что они плывут по морю. Большинство же островов с пышной растительностью. Но только один остров собрал вместе то, что имеют другие, — остров Ветров. Всё здесь напоминает о призрачности замкнутого островного мира и величии природных стихий. И трудно соотнести с ними торфоразработки, лесозаготовки, изматывающий и убивающий людей сыпной тиф, тюремные нары, «комариков», «бревна», «жердочки», «кибитки» — всё это здесь кажется чужеродным и даже невероятным.

На острове майор Тихий сменил уполномоченного отделения уголовного розыска третье-

го отдела лагеря. Свою карьеру он начинал еще под крылом Аркадия Францевича Кошко в царском уголовном сыске — взяли его туда рядовым инспектором Петербургской сыскной полиции. Погружаясь в разработанную Кошко систему идентификации личности, основанную на дактилоскопических и антропометрических данных, Тихий понял, что его призвание — криминалистика. Он легко и с удовольствием перевоплощался в бродягу или уголовника, дворянина или священнослужителя и при каждом «переходе на другую сторону» изучал уголовный мир изнутри. Обладая живостью ума, он мог бы встать на одну ступень с легендами российского сыска, но грянула революция. Петроград заполонили бандитские и воровские шайки, уголовники, анархисты и прочие криминальные элементы. Но «искать службу» ему не пришлось, большевики создали свой уголовный розыск, куда вошли сотрудники царского уголовного сыска, разбавив полуграмотных, а то и вовсе не грамотных новичков.

Тихий не тянулся к новой власти. Но он был профессионалом, любил свою работу и понимал, что городу грозит уголовный террор, потому остался у новой власти на службе, передавая свой опыт другим. Время шло, уголовный розыск реорганизовывали, колесо репрессий набирало обороты, кого-то переводили на новое место службы, кто-то шел на повышение, кто-то — к «стенке», были и увольнения, и лагерные сроки.

Обладая обостренной способностью интуитивно схватывать суть вещей, Тихий выстраивал в голове комбинации розыскных мероприятий. Затем как бы между прочим в приватной беседе, на дежурстве да за чайком, растолковывал кому-нибудь из коллег свои наработки. И уже на другой день тот коллега взхлёб рассказывал всему отделу, как надо вести следствие. Тихий же будто наблюдал со стороны, лишь ненавязчиво корректируя план мероприятий. Это помогало ему оставаться незаметным и не раздражать товарищей. Чувство самосохранения стало подсказывать: пора менять место службы. Просчитав, что начальник отдела побоится держать возле себя такого умника, он сменил тактику работы. Теперь Тихий не только сам представлял план розыскных действий, но и

объяснял, почему так, а не иначе. За какой-то месяц гений сыска блеснул своим талантом. Начальник отдела быстро сообразил, что может потерять свое место, — подсутился и направил его к новому месту службы на остров Ветров. Тихому предстояло отладить работу там.

А Шурка ему понравился: простой, честный парень. Потому на первое время Тихий пристроил его в архив, потом — в регистрационно-статистический отдел. В свободное от службы время Тихий взялся обучать Шурку сыскным премудростям, дабы к лету перевести его к себе в отделение. Так потянулись неделя за неделей.

Как-то в конце весны Тихий вызвал парня к себе и сообщил, что его отца еще из Городецкой пересылки отправили на Вайгач в рудник. От такой новости Шурка пошатнулся, лицо побледнело и сморщилось в бессильном отчаянии.

Он выдохнул и начал надломленным голосом:

— Вот скажите мне, почему отца на «землю смерти» сослали?! Жили мы в деревне хорошо. Сад большой, пасека своя, три коровы, хозяйство крепкое. Колхоз образовали, отец сам коров на скотный двор свёл. Председателем поставили пьяницу, его, лодыря, на подённую работу-то никто не нанимал. Закрылись как-то председатель со скотником в коровнике и пили. Коров без воды и недоенных оставили почти на сутки. Бабы ходили, просили дать им напоить скотину да подоить. Не дали. А отец пошёл и дверь сломал, коровушек домой привел... Через день за ним приехали и увезли. Враг народа! А за что, ну вот за что?! — расстроенный Шурка завёлся не на шутку. — Отец коров от падежа спас, а ему за это командировка на остров...

Майор спросил:

— Чай пить будешь?

Цепким глазом оглядел собеседника. Тихий прикидывал, можно ли Шурке рассказать, что рудник переведён на мокрую консервацию, что одну часть заключённых уже вывезли на рудник в Амдерму, другую — на строительство железной дороги Исакогорка — Молотовск, остальных же в Воркуту пешком отправили. А дошли немногие, и среди тех, кто не осилил дорогу, мог быть и Шуркин отец.

Поникий парень, несмотря на богатырский рост, весь как-то сжался, уставившись себе под ноги, ответил, наконец:

— Чай?.. Не хочу... — обречённо вздохнул: — Батя-батя, жив ли ты?!

Тихий плеснул в стаканы заварки, налил кипятку, достал из ящика кускового сахара и пакетик сухарей.

— Ты присаживайся... Чайку попей, а я тебе немного об острове расскажу.

Шурка мотнул головой:

— А что о нём рассказать-то можно?.. Лёд и морозы.

— Хм, перевод знаешь? Молодец, — Тихий отхлебнул чаю. — Саша, но Вайгач еще называют Святой остров. Лежит этот остров между материком и островом Новая Земля. С одной стороны у его берегов плещутся воды Карского моря, а с другой — скалистые берега омывают волны Баренцева. У берегов плавают киты синие и горбачи. Там много маленьких озёр и болот. Вайгач богат тюленями, моржами, белыми медведями, разными птицами. Погоди-ка, Саша. Есть у меня одна интересная книжка о животных с картинками, я тебе ее дам. Лучше, как говорится, один раз увидеть, чем сто раз услышать. — Тихий подошел к книжной полке, которая занимала треть стены, проведя пальцем по корешкам книг, вытащил одну в потрепанном переплете. — Вот, держи.

Шурка открыл книгу, со страницы на него смотрело маленькими глазками толстое животное с усами и бивнями.

— Вот так зверюга, такой сожрёт и не подавится! Товарищ майор, только я быстро не прочту. А люди-то там не живут из-за этих животин?

— Нет, не из-за животин. Остров священен для ненецких богов, деревянных и каменных идолов, которым в жертву приносят оленей. Людям жить там запрещено. Саша, если ты подашь рапорт о переводе или об увольнении... Ну, одним словом, сам видишь, кто наш начальник. Наберись терпения и работай. При первой возможности окажу содействие — переведут на материк. А пока будем ждать известий о твоём отце. Договорились?

Шурка при упоминании отца заморгал, опустил голову, разглядывая чай в стакане, словно на дне его был написан ответ.

— Саша, мне будет жаль, если ты наделаешь глупостей...

— Товарищ майор, не наделаю.

— Хорошо. Занятия сегодня отменяются, так что отдыхай.

В этот момент оставаться наедине с собой Шурка не мог. С книжкой он протопал через двор к вещевому складу, где работал кладовщиком Лукич. Немолодой помор был вольнонаёмным, почему он приехал работать на остров, никто не знал, а сам Лукич на все расспросы только отшучивался. Мужичок был среднего роста, крепкого телосложения, и, если бы не его лохматая шевелюра да рыжая с сединой борода, никто бы не дал ему больше пятидесяти лет. Ходить на промысел зверя и рыбы на Мурман он начал лет с десяти. О своих приключениях рассказывал легко, с прибаутками. Варяг с севера из всех островитян выбрал себе в приятели только Шурку и Тихого, с ними он был собой — балагур и хулиган с острым, умным взглядом, со своим особым пониманием мира.

— Цо-то цяю хоцеца? Али нет? — шутливо зацокал Лукич, разглядывая Шурку в хитрый прищур глаз. — Сынок, ан чаво стряслось?

— Беда у меня, Лукич, отца аж на остров Смерти сослали... Как я его там найду?..

— Ты, паря, не части, охолодись... Ссылка — это не высшая мера социальной защиты⁶. Пойдем-ка в мою каптёрку, потолкуем. Ну, не стой! Иди стаканчики поставь, я — скорёхонько.

Лукич запер входную дверь на широкий засов, прошёл в дальний угол барака, где за крохотной дверцей была его потаённая каморка. Там, возле стола, больше похожего на консоль в прихожей, на топчанчике уже сидел Шурка. Лукич молча достал из тумбочки большой заварной чайник, из холщового мешка — пук разнотравья, напихал внутрь, залил кипятком и накрыл полотенцем.

— Шурка, ты умом-то поводи... Ежели ты сгинешь, с мамкой и сестрёнкой что будет? А?! Чаво глазами лупишь? Ты ищо подумал, а я ужю знаю об чём. И выкинь эту мысль из своей головешки.

— Лукич, ну как же быть-то? Я — и служить...

— Знамо дело, только ты боле об этом никому не сказывай. Ну-кась давай тебе чайку налью. Нюхни... Чуешь, какой духмяный? Ты чаёвничай, а я тебе буду сказывать, как артелью ходили на Вайгац, — снова цокнул вдруг Лукич.

— Ты был на острове?!

— Не сбивай, сухарики вон возьми. Давно это было, я еще в женихах ходил. Стало быть, был у нас в артели один карел-сорвиголова... Вот он-то и подбил нас идти на Гусиную землю. Он-де там был и много зверя и рыбы в Архангельск привёз...

Лукич рассказывал, как шли Терским берегом, ожидая ветра-полуночника⁷, как проходили Горло. Как ступили на берег острова Моржовец, где мох гибкий, как пружинки, держит, не даёт ступить на землю, так и идёшь — как по воздуху. И дальше — к Печёрскому морю, к островам Колгуев, Матвеев, к Новой Земле. Открыли книжку, которую Тихий дал, нашли картинки и описание синих китов, моржей, белух. В разговоре вспомнили и про мифических единорогов. Лукич к слову рассказал эскимосскую легенду. В ней говорилось, что одна девушка вонзила свой гарпун, верёвка которого была закреплена вокруг её талии, в нарвала. Животное было большое, сильное и утащило её в глубь океана. Там девушка сама превратилась в нарвала, а её коса — в рог.

— Шурка, разбередил ты мою душу, ох, разбередил. Помню всех по именам и на лицо...

Помор стоял посреди каморки, разглядывая свои крупные ладони. Шурка смотрел на него и не узнавал: Лукич вдруг распрямился, приосанился, глаза блестят удалью.

— Погоди, — с этими словами он полез под тумбочку, достал оттуда берестяную коробку, открыл и подал Шурке, на дне коробки лежали белые, будто кружевные, гребни, серьги и кулоны, искусно вырезанные из моржовой и простой говяжьей кости — цевки.

— Ух ты! Как мамкино кружево! У нас в округе все плетут, только из ниток! — охнул парень.

— Ты, сынок, приходи ко мне чаще. Научу тебя резать по кости. Меня ведь ещё карелы своему языку выучили, а я тебя обучу. Можя, когда и сгодится. Многому за свои полвека я выучился, а передать некому.

С этого дня все свободные вечера Шурка засиживался у Лукича, обучаясь языку и резьбе, для начала — по дереву. Иногда к ним присоединялся Тихий, и тогда Лукич с азартом, в лицах рассказывал о рыбаках, охотниках, морях...

Известий об отце по-прежнему не было, но Шурка не терял надежды.

Наступило северное лето. Шурка уже месяц работал под началом Тихого. Очередная баржа с продуктами и новой партией заключенных пришла по чистой воде холодным июльским утром.

Шурка и Тихий встречали все суда, стояли на причале, следя за разгрузкой. Двадцать мужчин-заключённых сошли на берег первыми, и конвой повёл их к баракам. Женщин было сорок человек, их выводили двумя партиями. Первая быстро сбежала на берег и, не останавливаясь, пошла вслед за мужчинами. Остальных вывели на палубу, и тут одна немолодая женщина подошла к борту, заглянула в воду, а потом неожиданно перевалилась через него, и вода сомкнулась над её головой. Толпа закричала, выводившие конвоиры стали бить кричащих женщин прикладами.

— Молчать, рылом вниз! — рявкнул здоровенный детина.

Девятнадцать человек рухнули как подкошенные, сплетая в замок пальцы на затылке. Несколько человек баграми пытались нащупать утопленницу, но им это не удалось. Бросили якорь-кошку — опять никаких результатов, наверно, её затянуло под баржу.

Наконец женщин парами стали спускать на берег. Среди них Шурка сразу приметил высокую тоненькую девушку с черной косой в небесно-голубом платье. Когда пришла её очередь сходить по трапу, озорной ветерок закачал голубую пышную юбку, и девушка опустила руки придержать подол. Конвоир ударил её прикладом в спину. Она упала, замерла. Шурке показалось, что его сердце остановилось в тот момент, когда она упала. Он шагнул вперед, но Тихий схватил его за руку и приказал стоять смирно. Несколько женщин подхватили хрупкое тело и помогли девушке сойти на берег.

— Саша, учись сдерживать свои эмоции, — прошелестел Тихий.

— Но она ничего не сделала, просто придержала подол!

— Запомни, за заключенных никогда прилюдно не вступайся — себя подставишь и им только хуже сделаешь, — смягчился майор. — Ты лучше девушке одежду у Лукича подбери. В одном платье на острове долго не протянет.

Лукич смотрел, как Шурка складывает на полу, кофту, брюки, свитер, сапоги, фуфайку, валенки, драный полушубок, какие-то туфли на высоких каблуках. Подобрал концы полотнища, он пытался увязать их.

— Да ты сшалел! Её ж в карцер за такой сидор посадят! — Лукич забрал узел и подал черный мужской свитер. — Вот, этим пусть укроется... И брюки! Брюки бери залатанные! Господи, да разве такую красоту под лохмотьями спрячешь?!

Шурка напрягся:

— Лукич, ты думаешь...

— Думай не думай, — перебил помор, — а увидит её Филин — и конец миляге⁸. Паря, да не гляди ты на меня, тут я тебе плохой пособник. Вот ежели чаво припрятать, то лучше склада... Погоди-ка, я мигом, — и, почесывая затылок, точно молодой, Лукич прытко выскочил на улицу.

В ожидании Шурка метался по складу. Казалось, времени прошло очень много, а Лукич всё не шёл, и Шуркино воображение начало рисовать страшные картины: делянка и перекошенное рыло Филина. Припомнилось, как на Городецкой пересылке взбесившийся Филин набросился на женщину, а она впиалась зубами ему в горло. Кровь, крики, выстрелы...

— Шурка! — окликнул с порога Лукич. — Я это... Дело справил, будет у меня прачкой вместо Мирохиной — с пузом она. В карцер её на Плачущий через неделю отправляют. Так что этой твоей только неделку продержаться. Ну, иди, неси одежду. А платье вели какой бабе постарше отдать. Приметное оно, платье-то.

Шурка не шёл, почти бежал до карантинного барака, что стоял ближе к лесу. В бараке на нарах кучками сидели женщины, среди них выделялась девушка в голубом платье. Подойдя к ней, положил свёрток.

— Здравствуйте, — немного смущаясь, поздоровался Шурка.

— Здравствуй, Александр. Софья Павловна я, можно просто Соня. И без тётки, — невысокая женщина с глазами цвета перезрелой вишни принялась разворачивать Шуркин свёрток. — Вот спасибо, как нельзя кстати.

— Я для девушки одежду принёс, пусть переоденется. Ей в таком платье нельзя на работу.

— Это почему же ей нельзя? — спросила толстушка с озорными глазами, сидевшая рядом с новенькой в голубом.

— Поживёшь — узнаешь, — Шурка скользнул глазами по лицу толстушки. — Соня, платье пусть поносит кто постарше, лучше по очереди.

Девушка встала, несмело протянула Шурке руку:

— Нинель, можно Нина.

Он задержал в своей огромной ладони её теплую нежную руку. Девушка смотрела на парня светло-кариими глазами, улыбаясь уголками губ. Хотелось прижать её к себе, защитить испуганную девчонку, оказавшуюся по воле судьбы или людей на острове. Шурка чуть было подался к ней, она не отшатнулась. На Шуркиных щеках заиграл лихорадочный румянец. Барак замер. Женщины смотрели на них, и каждая видела что-то своё, одной ей близкое, знакомое до боли, до слёз...

— Нина... — бормотал Шурка, он не знал, что сейчас лучше сказать.

— Я боюсь... Вас накажут... Из-за меня, — покраснела она.

— За меня не бойтесь. — Шурка уверенно улыбнулся девушке. Озорные чертики скакали в его глазах.

— Я всё равно буду бояться... — во рту у Нины пересохло, руки дрожали, и эта дрожь передавалась Шурке.

Тишина, слышно, как на окнах жужжат мухи. Женщины благоговейно замерли, чувствуя важность момента. В эти минуты каэрки⁹, аристократки, проститутки, фрейлины, мещанки, торговки кокаином, крестьянки, уголовницы, матери, сёстры, дочери — все ощутили ту искру, что проскочила между Шуркой и Ниной. Это было понятно и близко каждой.

— Александр, пора. — Соня тихонько дотронулась до его локтя.

— Нина, я приду! Соня, приглядите, мало ли чего...

Шурка быстро вышел из барака и направился на склад к Лукичу. Его ладонь хранила тепло Нины, сердце ликовало. Всю дорогу он вспоминал, как она смотрела на него, как подрагивали её густые черные ресницы.

На подходе к складу Шурку поджидал Лукич с недовольно поджатыми губами.

— Ну, медный самовар, притопа! Да перестань ты лыбиться-то, — Лукич вцепился в рукав и, цедя сквозь зубы, поволок Шурку в склад: — Охренопупел ты, гляжу! Мало что сам на статью напросился, так ты еще и девку на расходную подписал! Ты что, с тылу выйти не мог? Хорошо, если никто не видел, а если кто из дятлов видел?! Мне что, я пожил на этом свете. Вас, дураков, жаль! — Лукич шипел гусем, подпрыгивал и пытался трясти Шурку за плечо, но росточком был невысок, потому смешно лишь повисал на нём.

— Лукич, я могу ходить в барак к экам, — пытался урезонить его Шурка.

— Хрен ты можешь! Навещать он может!.. — кипятился опасливый помор. — Можешь, только по делу. Этот барак не в твоём ведении, касатик. Стало быть, не можешь. Вижу, мозги оставил там. Ладно, как хоть девоньку-то величают?

— Нинель, или Нина.

— Еврейка, твоё коромысло! — вырвалось у Лукича. — Дуралей ты, Шурка! В барак к бабонькам ни ногой! Ну, не стой пнём-то, лыбу убери и топай к себе. Эх, паря, паря!

Спровадив Шурку, Лукич побежал через двор к Тихому, бормоча под нос, что вот была бы у ребят волюшка, так, глядишь, и сладилось бы. Постучал в дверь, услышав «входите!», вошёл в кабинет. Плотно прикрыв за собой дверь, Лукич встревоженно зачастил:

— Товарищ майор, в парне кровь закипела! Влюбиться пожелал! Боюсь, в горячке чего не так сделает. Ты б его отправил вечером на Медвежий остров, глядишь, через пару дней немногo поостынет. А?! Затылком чую!

— Говоришь, затылком чуеть?! Любовь — дело хорошее. Жаль только, Лукич, наши острова не для влюблённых, — затем подумал чуток и добавил: — Ладно, отправлю.

— Товарищ майор, уж про девчонку-то не забудь. А? Не приведи Господь, ежели Филька её увидит, истравит девку, — уже в дверях заискивающе попросил Лукич.

Утром Шурку на рыбацком катере направили за мамками на Медвежий остров, чтобы через день вернулся с девятью женщинами и их ребятишками.

После двух лет, проведённых на острове с детьми, женщины несмело надеялись, что их всё же не будут разлучать и отправят на материк вместе. Но страшная баржа, стоящая у причала, готова была уйти на материк за новой партией заключённых, увозя с собой только маленьких безмянанных пассажиров. Как обычно, голосащих женщин с двухлетними детьми на руках выстраивали возле причала. Охранники вырывали у обезумевших матерей детей, завязывалась драка, и конвоиры прикладами выбивали из женщин непокорность. Ревущих детей уволакивали в трюм, мамок гнали в барак. Ступок ненависти, страха, боли, безысходности облаком висел над островом. Буксир гудел на прощанье, таща баржу в Студёное море.

5

Нина переделалась в принесённые Шуркой вещи. А её небесно-голубое платье тем временем передавали из рук в руки, пока оно не оказалось в руках тощей тетки с лошадиным лицом.

— Ну, девочка, надеюсь, тебе чуть-чуть повезло! Хороший паренёк, — улыбаясь, сказала высокая осанистая женщина. — Я Кирсанова Варвара Поликарповна, тут меня все зовут Варварой.

— Повезло, повезло!.. Сначала сам попользуется, потом выбросит или отдаст кому-нибудь, — шмыгая носом, съехидничала тощая, с лошадиным лицом Фая.

— Нам с тобой, подруга, это не грозит. Меня и на свободе-то мужики не особо замечали, — хихикнула толстушка с озорными глазами, подмигнув Фае. — Я Антонина, дома звали Тосей, — и протянула ладонь для рукопожатия Варваре Поликарповне.

Тося сразу сообразила, что Варвара, может, не главная по бараку, но и не последний человек в нем.

— Файка, ты язычок-то придержи. Да, дерьма тут хватает. Но этот паренёк не ссученный, как некоторые. Нина сама разберётся, без тебя... и меня, — Варвара, чеканя каждое слово, бросила строгий взгляд на Файку, точно полоснула бритвой.

Кто-то крикнул:

— Зачем сюда такие едут?

Кто-то ответил:

— Нас пожалели, вот и отправляют.

— Видимо, за судьбой, — задумчиво закончила Варвара.

— По доброй воле среди врагов судьбу не ищут, — как бы между прочим вставила пожилая невысокая женщина, наблюдавшая за бабьими пересудами из дальней части барака. — Зачем или за кем он сюда приехал, нам незачем знать.

Соня, красивая немолодая женщина с рыжими с проседью волосами, похожая на артистку, подошла к Нине, погладила по голове, добавила:

— Девочка, любовь не всем даётся, и не важно, где она к тебе придёт.

Второй раз за день барак молчал, и, возможно, это был тот редкий момент, когда между каторжанками было согласие.

— А я еще никого не любила, кроме мамы и папы, — почти неслышно сказала Нина.

— Деточка, у тебя всё ещё впереди. Придёт и твоё время, — Соня прижала Нину к себе.

— А мне бабушка говорила, что суженый урод будет у ворот, правда ведь?! — звонким голосом хохотнула Тося.

— Правда, Тося, правда, будет у ворот. Давай знакомиться. Я Адалина Арнольдовна, можно Ада. — Среднего роста женщина с умными голубыми глазами подседа поближе к Тосе.

— Ну, Тоська!

— Ну, болтушка! И что б мы без твоих прибауток делали!

— Ну, лихоманка!

Барак смеялся...

6

Утро покрыло остров туманом. Нина уже третий день вместе с женщинами валила лес. Тяжелая работа была ей не так страшна, как человек со скривленной набок головой. Его Нина видела у соседнего барака, а сегодня он пришел к построению и разглядывал женщин, словно кого-то выискивал.

— Филин, чего трёшься? Тут моё царство. Да-

вай вали! — подошел дядька-конвоир среднего роста, плечистый, с чуть раскосыми глазами.

— Барагоз, ты что, страх потерял? Какую выберу — сам приведёшь, ясно?! — зарычал Филин, но было понятно, что без разрешения раскосого никого не тронет.

— У, тварь, и глаза-то не вылезут! Нина, лицо скривь и, как пойдёшь, прихрамывай, — шепнула стоящая рядом Варвара.

— Ты, Филька, не бузи, иди по добру, — примирительно сказал Барагоз и скомандовал: — Бабы, напра-во, шагом марш!

Женщины ждали команды как спасения и торопливо зашагали к лесу.

— Ну, сука вонючая. Недолго тебе командовать осталось, — Филин сплюнул вслед уходящим.

Заключенные работали в полную силу, к обеду напряжение от утренней встречи спало. Бригада уселась у костра, где чаёвничал Барагоз.

— Варвара, завтра я последний день с вами, — признался он. — На Медвеьем мамок с ребяташками охранять буду.

— Иван, а как же мы? — Варвара с Адой тревожно переглянулись.

— А я что? Я человек подневольный. Неделю назад Крюк мамку с младенцем забил, его на землю отправили. К вам Петро поставят, он парень незлой, но пацан ещё. Ему Филя пикнуть не даст. Думайте, бабонки...

Посреди наступившего безмолвия, прерываемого только шуршанием крон да глухим стуком топора, слышалось сердитое потрескивание огня в костре и взволнованное дыхание каторжанок, ведь от Филина-волчары можно всего ожидать, надо быть готовым к любой его провокации.

Следующие два дня Филин не появлялся и тем самым держал женщин в напряжении. Барак закипал от неизвестности. Как поступить?.. Кто-то был готов побузить, а кто — затаиться и переждать. Перекуривая, Ада и Варвара наблюдали за каторжницами, понимая, что Филин ждёт, когда женщины перессорятся, и тогда придёт он и... и возьмёт какую пожелает, а возможно, и чью-нибудь жизнь, и не одну...

Их дружба зародилась еще на пересылке. Аду

привлекла Варварина житейская сметливость. Она, дочь травницы, обладала способностью предугадывать события, до восьми лет жила где-то под Санкт-Петербургом в глухой деревне. Мать умерла, какой-то родственник матери, аптекарь, из жалости взял её к себе. Девочка хорошо знала травы и умело ухаживала за аптекарским огородом, бездетные дядька с женой полюбили деревенскую дикарку, кипящую идеями и желанием знаний, удочерили её и растили как свою. Варвара готовилась к экзамену на звание аптекарского помощника-провизора, да только грянула революция и пронеслась разрушительным ураганом по стране. Не миновало и их аптеку. Приёмный отец был небедным человеком, но все деньги хранил в банке за границей. Чтобы заработать на прожитие, Варвара с матерью в комнатке для кухарки организовали кабинет для гадания. Вечерами с чёрного хода потянулись желающие узнать судьбу. Предсказательницы пользовались спросом, помогли глубокие познания приёмной матери в натальной астрологии. И, конечно, успеху способствовали сами клиенты, потерявшие опору в жизни, а потому готовые верить любой чепухе, лишь бы она давала надежду на будущее. Варвара быстро выучилась составлять гороскопы и гадать на картах, это приносило хороший доход. Устав от белых и красных, от погромов и государственных преобразований, семейство приняло решение уехать к родственникам в Финляндскую республику. Первой уехала мать, за ней — отец, а Варвару арестовали уже на вокзале. Ее путь на остров по печальной пятьдесят восьмой статье был долгим, тяжелым, с вологодским конвоем, который шутить не любит: шаг вправо, шаг влево — расстрел...

На третий день Ада не утерпела — на очередном перекуре решила обговорить с Варварой тревожное состояние арестанток.

— Ну и что будем делать?

— Что? Поднимать баб на противостояние. Варвара, только меня они слушать не будут.

— А меня будут?! Хорошо, попробую вечером. Придётся карты раскинуть. Боюсь, блатные заартачатся. С Любкой бы потолковать... — предложила Варвара.

— Может, мне попробовать?

— Ада, с ума сошла?! Блатные с тобой толковать не будут. Ты для них кто?!

Докуривали молча. Ада снова и снова мысленно задавала один и тот же вопрос: почему не уехала? Что она тут делает, в этом «должном мире»? Она, Адалина Арнольдовна Яковлева, которая среднее образование получила в Мариинской женской гимназии Петрозаводска и окончила её в тысяча девятисотом году. Затем училась в Брюссельском университете, где слушала лекции по естественным наукам и философии. Сдав полукандидатский экзамен, поступила на медицинский факультет Берлинского университета, где занималась в институте профессора Теодора-Вильгельма Энгельмана. Потом была учеба в Московском университете, звание лекаря с отличием, работа в Московском патологическом институте. Дальше — переезд в Санкт-Петербург и работа в клинике нервных и душевных болезней, там Ада увлеклась изучением изменённого состояния сознания. Работа настолько поглотила ее, что на революцию она смотрела как бы со стороны, не особенно вникая в суть. Так было, пока не сменился вождь и в одну из ночей в её дверь не постучали... Следователь был подчёркнуто вежлив и даже посоветовал взять тёплые вещи, напуганный комендант дома, пришедший с ним, топтался в прихожей. Следователь не сильно утруждал себя обыском, только достал из Адиного письменного стола какие-то бумаги и засунул их себе в портфель. Пара допросов, этап — и она на острове Ветров.

Оказавшись на острове, Ада как профессионал увидела, что каторжанская мясорубка перемалывает не всех. И как бы кощунственно ни звучало, но остров был лучшим местом для изучения психологии личности. Всё чаще она вспоминала там слова врача и психолога Лазурского, которого считала одним из своих учителей. По его мнению, основная задача личности — это приспособление к окружающей среде: природе, вещам, людям, человеческим взаимоотношениям, идеям, религиозным ценностям и т.п. И увлечённая Ада принялась изучать каторжан, чтобы потом описать и, если даст бог остаться в живых, систематизировать материал. Первое время она старалась только выжить и приспособиться к условиям жизни в лагере.

Когда Ада поняла, что выживет и со всем, кроме, конечно, расстрела, справится, стала наблюдать за людьми разных религий, сословий, возрастов, национальностей и все скрупулёзно записывала в школьные тетрадки...

С обеда работа у арестанток не ладилась. Пожилая тётка уронила себе на ногу топор, другой разодрало сучком руку. План бригады выполнила, когда на соседних делянках давно перестали визжать пилы. Злые, усталые женщины плелись в барак.

После ужина многие уже спали, Варвара лежала, обдумывая, как склонить на свою сторону женщин. Ада, сидя у окна, делала записи в тетради, когда из глубины барака послышалось скуление. На поскуливающую женщину угрожающе зацыкали, она еще сильней расплакалась, перебудив спящих.

Чтобы не дать вспыхнуть скандалу, Варвара вышла на середину барака и громогласно изрекла: «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу, и тело погубить в геенне»¹⁹.

Её фигура в сумерках белой ночи выглядела мистически, все замерли. Варвара прошлась вдоль нар, остановившись возле плачущей женщины, взяла её за руку и со словами: «Давай посмотрим, что карты скажут», присела рядом. Вытащила карты и сделала расклад. Вмиг вокруг столпился народ. За всё время на острове Варвара впервые гадала, хотя зарекалась это делать. Карты были игральные, поэтому она гадала только на любовь...

Когда на следующий день народ собрался на обед возле костра, Варвара принялась громко хвалить Барагоза: каким он, дескать, был сильным, справедливым, умным — одним словом, хозяин, и ему Филин не указ. А потом добавила: вот и с новым молодым начальником им, дескать, тоже повезло — такой же смелый. Ей подыгрывали остальные женщины.

Под хвалебные речи пусть и зэчек, но женщин самомнение Петро, прятавшееся где-то в глубинах его молодой плоти, стало расти. Теперь главное, чтобы оно окрепло и руководило его мозгом, если, конечно, таковой у него имеется...

Рабочий день закончился. Возвращались с де-лянок молча, ужинали в бараке тоже в тишине. Каждая думала о своём... Некоторые тревожились: самооценку-то Петро они раскормили, но кто знает, а не превратится ли он потом во второго Филина!.. Молчание нарушила Тося.

— Товарищи, видели, как Петро-то зыркал на девчат?

— Помолчи, и без тебя тошно, — осадила Со-ня. — Варвара, надеюсь, ты знаешь, что дела-ешь?

— Сонька, рулетка уже закрутилась, — за Вар-вару ответила неопределённого возраста жен-щина с бледным лицом и красным шмыгаю-щим носом — кокаинщица Катерина.

Барак загудел.

— Ша! В БУР ломитесь?! — рявкнула на женщин воровайка Любка.¹¹ Все разом замолчали. — Или так соскучились по мужикам, что не терпится, чтобы Филин пустил под трамвай?¹² А чё притих-ли-то? Ужо не хочется? Нет? А что так?! Очко на минус пошло?!¹³ Слушай сюда. У Варвары раск-лад верный. Вертухаи рога друг другу обламывать будут, потом пару дней раны зализывать...

— ... А потом Филин еще больше озверееет... — перебил Любку голос откуда-то из глубины барака.

— ... А потом?.. А потом никто не знает, что будет потом, — Варвара смотрела в окно, за ко-торым под пение птиц в северной белой ночи молоко тумана напозало на барак.

— ...Закон — тайга, медведь — хозяин,¹⁴ — Любка протопала к своему месту на нарах. — Дожить еще до этого «потом» надо. Всё, ра-зошлись — и ни звука мне!

Лесть — как скверная женщина, манок для ду-раков. За ночь Петро, видимо, примерил на се-бя роль «барина», а стало быть, теперь он вер-шит и суд, и милость над эчками. Женщин всё же трогать побоялся, видно, в большом, креп-ком парне было много заячьей крови. Барство-вал он всего ничего, на пятый день к концу обе-да из-за кустов на поляну вышел Филин, уселся возле костра и стал разглядывать женщин, кото-рые ещё оставались на поляне.

— Петро, это что за фифа? — Филин показал на изящную молодую блондинку со стри-жкой каре.

— Барелина вроде, а тебе чё? — Петро напрягся.

— Ты не пыжься, я её беру. Скажешь, что са-ма не вышла из леса.

— Хочешь взять — плати, — удивительно твёрдо заявил Петр, его щеки запылали лихо-радочным румянцем.

— Кому — тебе?! Суч-чонок! — Филин со всей силы ударил Петро в грудь, тот завалился на спину, хватая воздух ртом. — Только посмей пасть открыть!

Филин встал, подошёл к перепуганной жен-щине, перекинул её через плечо, точно и не че-ловек это был, а вещь, и понес к лесу. Из леса навстречу ему выбежала Катерина, её несуразно длинное тощее тело на коротких ногах кача-лось, будто камыш на болоте.

— Отпусти!

— Пошла-а, жаба!

Филин оттолкнул её, она упала, а сам пошёл дальше, гогоча. Катерина вскочила с земли, по-бежала за ним, по пути подхватила толстую суч-коватую палку. Догнав его, что было сил ударила сзади, сучок рассёк ему шею. Филин сбросил ба-лерины, провёл рукой по затылку, шею — с удив-лением посмотрел на окровавленную ладонь.

— Ах ты, сука, буржуйская подстилка! Ты на кого, падла, руку подняла? Я тебя на бревно посажу! Я тебя на куски порежу!

Филин медленно с упоением произносил слова, напирая на Катерину. Та стояла не дви-гаясь, с ненавистью смотрела ему в глаза, не выпуская из рук палку. На поляну вдруг выбе-жали Нина и Тося, за ними, ломая ветки, появ-ились другие арестантки.

— Не смейте её трогать! — закричала Нина.

На её крик Филин обернулся:

— Цыпочка, вот ты где, сама прибежала! Ты моя хорошая!

Два прыжка — и Филин встал перед Ниной, дыша на неё перегаром, она метнулась в сторону, но его крепкие руки сгребли девушку в охапку.

Нина закричала:

— Ах ты, гад! Гадина!

Несколько женщин, точно мухи, кружили ря-дом с Филиным, тыча его кулаками. Он ржал, раздавая оплеухи, от которых они отлетали в стороны, а он тащил за собой Нину, извиваю-щуюся в его железном захвате.

– Филин! Стоять!

Над поляной прогремел голос Шурки, несущегося к Филину.

– Это ты зря тут нарисовался, – Филин обернулся. – Бандитское отродье, иди, иди сюда! Тут твоего заступника нет! Ничего, скоро наш остров будет, а вас всех – под нож, – Филин провёл рукой по Нининому горлу.

Шурка подошел к ним на расстояние вытянутой руки, Филин отшвырнул от себя девушку.

Они сошлись, молча наносили друг другу удары. Женщины обступили их и наблюдали. Силы были неравны, Шурка всё чаще стал сдавать. Неожиданно Филин выхватил из-за голенища финку и полоснул соперника по плечу. Шурка припал на колено, а Филин занёс нож так, чтобы ударить в шею – сверху вниз. Но не успел, на его голову сзади опустился обух топора. Филин на мгновение замер, уткнулся лицом в землю и затих.

Женщины сжались и переглянулись. Воробья Любка не растерялась.

– Потасили его на гору, пока в себя не пришёл, «бревном» будет, – скомандовала она, отшвырнув топор.

Толпа поволокла вертухая на гору. Шурка, зажимая рукой рану, направился к костру. Нина шла рядом.

– Шурка, куда это они его? – спросил испуганный Петро, он уже малость пришёл в себя и всё это время тихонько сидел возле костра, предпочитая не встречать.

– Не знаю. Наверно, кастрировать будут.

Нина помогла Шурке снять гимнастёрку и нательную рубаху, которую тут же покровсали на тряпки.

– Нас же за соучастие посадят! – волновался Петро.

– Чудило, и так сидим, – успокоил Шурка. – Петро, ты лучше молчи, целее будем. Вот скажи, за кем мы должны следить? За заключёнными! Правильно?! А кто там по лесу ходит и что с ним случилось – это не наше дело.

Петро заёрзал:

– Шурка, ну чаво они так долго-то? А ежели кто с проверкой нагрянет, вон бабы-то как орали, а...

Нина неумело перевязала рану. А Шурка был спокоен как танк:

– Придут, не придут – мы ничего не видели и не слышали.

Женщины вернулись разгоряченные, молча пили воду, курили и исподлобья поглядывали на Петро. Человек на острове он был новый. Как себя поведёт в данной ситуации? Любка бросила окурочек на землю, сплюнула и процедила сквозь зубы:

– Слушай сюда, у меня – звонковая¹⁵, а теперь вышак светит... Чё затих, стукнешь?!

Петро с выпученными глазами уставился на Любку, что-то бормоча под нос и отрицательно мотая головой. Бабыя бригада взяла их в кольцо и по-акульи стала зажимать со всех сторон.

– Любка! Любка, не вводи народ в грех! Петро будет молчать... – Любка обернулась к Шурке, он продолжил скороговоркой, не давая ей возможности заговорить: – ...И я буду молчать. Получить срок за соучастие у нас охоты нет. Бабоньки, идите работать, а я тут с Петро еще потолкую.

– Петро, я свое слово сказала! – снова угрожающе рывкнула Любка. – Вытянешь язык – и пика под ребром.

– Ну, хватит! За Петро ручаюсь. Вечером всё обсудим, а сейчас – работать, – пыталась утихомирить всех рассудительная Варвара.

– Ну, гляди, Варвара, за его художества ты будешь ответ держать. – Любка развернулась на пятках и пошла в лес, прихватив по дороге брошенный топор.

Толпа, тихонько переговариваясь, поплелась следом. Шурка с облегчением выдохнул.

Филин умирал тяжело, его, привязанного к бревну, с кляпом во рту, дважды сбрасывали с горы в каменный распадок. Потом бревно спустили в реку, а тело оттащили под скалистый уступ. Позже, когда руководство лагеря его хватилось, нашли труп в нескольких метрах от места, где бросили. Было ли это следствием предсмертной агонии или кто-то пытался его спасти – это так и осталось загадкой.

Узнав о происшествии, конечно, Тихий провел собственное расследование. Но, как ни странно, дело закрыли за неимением состава преступления, для всех было выгодно признать его смерть несчастным случаем. Филина похоронили на острове. Жизнь вернулась в прежнее русло.

7

В конце июля заканчивается комарино-мошкариная пора, и почти до середины августа на остров опускается жаркое лето. Студёное море засыпает, сверкая под белёсым солнцем, почти не заходящим за горизонт, белухи подходят близко к острову и играют на поверхности воды, обучая своё потомство. Даже самые жестокие охранники становились в это время вялыми, будто ватными, и выходили понежиться на солнышке, искупаться. Заключение ждали лета с нетерпением, вместе с солнечными лучами они получали некоторые послабления в режиме содержания. К берегам Светлого озера их не допускали, зато в Малиновой ламбине¹⁶ можно было смыть с тощих, истерзанных тел грязь, боль, усталость и на мгновение забыться.

Нина теперь работала на вещевом складе у Лукича, Шурка при любой возможности забегал к ней. Мудрый помор, усмехаясь в рыже-серебристую бороду, ссылаясь на короткое лето, уходил собирать травы и ягоды. Доктор доктором, а случись рана, потребуется настой из ягеля, а на гноенник¹⁷ — смола лиственницы и внутреннее оленьё сало.

Выболевшая душа девушки рядом с добрым парнем отогрелась, ожила и отозвалась любовью. Страх и долгое молчание прорвались рассказами о львовских родственниках, о маме-дворянке, умершей на пересылке. Об отце-ювелире, по доносу сосланном без права переписки за участие в заговоре. О прекрасном городе Санкт-Петербурге, который она любила и взахлёб рассказывала о мостах, каналах, фонтанах, набережных. О квартире с окнами на Мойку и Певческий мост с ажурными решетками. Город, получивший имя Ленина, по духу был дворцовым и соборным. Нина рассказывала, а слёзы катились по щекам.

— Нина, не плачь. У меня в голове одна мысль — как тебя на материк переправить. На материке я тебя выкуплю, а нет — так украду. У меня семья большая: бабуля, сестра, дядька — родня большая и дружная, помогут.

— Саша, я дочь врага народа. Не надо обманываться, с острова дорога только на кладбище под табличку с номером.

Шурка злился:

— Нет, не говори так! Я всё равно придумаю, как тебя вывезти.

Нина вздохнула.

— Мне Варвара гадала. Сказала, что нам надо жить, чтобы один день был как вся жизнь, а вся жизнь как один день. Саша, я ничего не поняла. Как можно за один день прожить всю жизнь?

— Да не слушай ты эту Варвару! А давай я тебя вечером к озеру свожу? Там такая красота!

...Когда Шурка и Нина приблизились к озеру, солнце-хамелеон, сменив золотисто-жёлтый на оранжево-розовый, подкатилось к горизонту и окрасило полоску неба и озеро в шафранно-малиновый цвет.

Вода ласкала тела, а запахи трав пьянили и дурманили...

8

Люська в шапке из козьей шерсти стояла возле причала среди народа, перешептывающегося между собой, — ожидали, когда катер замрёт возле берега. На борту толпились люди. Шурку она увидела сразу, он был похож на отца — высокий, широкоплечий, и этим выделялся из толпы. На руках он держал двоих маленьких ребятшек, на одном была такая же козья шапка, как у неё. Катер топтался у причала, наконец вздрогнул и пришвартовался. Матрос спрыгнул на пристань, ему бросили концы — две толстых верёвки, он тотчас намотал их на кнехты (парные тумбы, служащие для закрепления канатов). Спустили трап, на берег сбежали конвойные, оттесняя толпу и освобождая проход маленьким заключённым. Толпа на берегу загудела, запричитала, видя, как охранники хватили детей кого за руку, кого за воротник, словно щенят выволакивая с катера на берег. Шурка сошел на берег последним. Люськино сердце затрепетало, дышать стало трудно, на холодном ветру лицо онемело. Она не спускала глаз с ребенка в козьей шапке, всматривалась в его личико, чтобы запомнить и узнать из тысячи других. Рядом с братом шла женщина в форме и волочила за собой ещё

двух малышей, дети плакали. Женщина рывками дергала их за руки, чтобы они шли быстрее, ребятишки падали. А она не останавливалась, тащила их, дети, словно авоськи, болтались в воздухе. Толпа вздыхала при виде такого, но ни ругаться, ни просить за детей не смели. Шурка остановился, женщина встала рядом с ним, отпустив детские ручонки, ребята, всхлипывая, обессиленно упали на дорогу.

— Да заткнитесь вы! — взвизгнула женщина.
— Что, Шурка, жалко вражат? Чертовы кукушата! Да сними ты их с рук — пусть выродки сами топают.

— Клава, чем быстрее их сдадим, тем быстрее освободимся. Мне мужики заказов много сделали, до завтра успеть надо.

— Я думала, мы вечером чайку попьем, — Клава заискивающе заглядывала в его глаза.

— Дела справлю — зайду.

Подмигнув женщине, Шурка медленно направился к интернату. Женщина схватила ладошки своих подопечных и зашагала следом за ним, волоча за собой измученных детей. Как только Шурка вошел в здание, Люська, как и велено было братом в письме, обошла кирпичный дом и остановилась возле маленькой двери, ожидая, когда ей откроют. Студёный ветер обжигал лицо, забирался под шубёнку, выхолаживая до костей. Она не знала, сколько уже стоит, ее трясло то ли от холода, то ли от страха, а может, от того и другого. Наконец дверь открылась, и сморщенная старушка жестом пригласила её войти. Слабая лампочка освещала полуподвальную комнатку с выдавшей виды кушеткой, табуретом и крохотным столиком под красным коленкором.

— Посиди тут! Да рассупонься. Ой, что с тобой! Не пристыла ли ты, девонька, вон как тебя лихоманка забирает!

— Не, я с дороги, не спавши. Холодно у вас тут. А снега-то почему ещё нет?

— Так октябрь же. Вода встанет только в конце декабря, тогда и снег будет. Сейчас горяченького принесу, — низенькая старуха юркнула в маленькую дверь, больше похожую на окно, и тут же вернулась. — Вот, попей чайку, он, милка, и душу согреет, и от любой лихоманки избавит. Да не страшись, тут, кроме меня, никто не ходит. Ты погрейся, прикорни и жди.

Люся сидела тихо и ждала, ждала. Согревшись

и немного успокоившись, перестала трястись и даже попыталась немного подремать, но не получалось. Все мысли сводились к одному: как она будет добираться домой с ребёнком. Неожиданно маленькая дверь-окно открылась — в неё протиснулся брат. Люська вскочила.

— Ну, здравствуй, Козья шапка! — он обнял сестру.

— Шурка, ну почему ты такой несчастливый-то? — тихонько запричитала она.

— Ты что, Люська? Я самый счастливый! Она знаешь какая красивая, умная, добрая. Меня любит! Знаешь, через что ей пришлось пройти?! Ребёнка-то решила родить в таких муках.

— Мама плачет, боится, что девочку не сможем от этой беды освободить. Шурка, они с дядькой Васей уже в город переехали, к бабушке. Фотокарточка хоть твоей Нины у тебя есть?

— Да, вот, — Саша достал из внутреннего кармана две фотографии. На одной — красивая девушка с толстой косой, а на груди — табличка с номером. На другой фотографии — Шурка и статный мужчина, а за их спинами — та же девушка, только с короткой стрижкой. Девушка подставила свое лицо солнцу и улыбается.

— Красивая, маме понравится, — Люська смотрела на фото с восхищением.

— Смотри не потеряй, других нет, — чуть пристрожил Шурка. — Скоро женщин разбросают по разным лагерям, я за ней поеду, а вы дочку берегите. Людмила, я на тебя надеюсь. Как мама?

— У нас всё хорошо. Шурка, куда ты поедешь?

— Ты ещё маленькая, подрастёшь — поймёшь.

Брат внимательно посмотрел на сестру, решая, сказать ли сестре, что отец замёрз.

— Людмила, а ты ведь уже выросла...

— Шурка, ты ей скажи — пусть не боится. Светочку мы сбережём. — Люся уткнулась в его грудь, и её плечи задрожали.

— Передам. Людмила, ты должна знать: отец пропал. Я не знаю, как это случилось, не спрашивай. Ты только матери не говори, а то убьёшь её.

— Папа, бедный папа! Шура, за какие такие грехи нас судьба так наказывает? А? — Люська отстранилась от брата, её глаза были полны слёз. — Ну скажи, скажи, что мы такое... — не ус-

пела она договорить, как в тесную каморку вошла старушка.

— Тише, тише. Растрещались, — с присвистом зашептала она. — Ты, паря, не волнуйся. Я с Нилом сговорилась: обещался на телеге свезти до станции и на поезд посадить. Ты не боись, не обманет — старик он добрый. А ты иди-ка лучше да угомони эту стерву Клавку. Так и шастает, так и вынюхивает. Ей уже Георгиевна сказала, что все бумаги отдаст тебе как старшему. Так она, вишь, все одно бродит, тебя, вишь, поджидает. Али ещё какая пакость в голове завелась... Вот поганая баба. — Старушка в сердцах плюнула.

Шурка пошёл проводить Клавку в гостиницу. Дверь за ним закрылась, а старушка всё ворчала:

— Вот лярва! Сколь живу, а как Клавка, не встречала! Раньше она старших ребят, ну кому больше пятнадцати-то было, в соседнем корпусе на охранников учила. Так до чего додумалась! Первых-то выпускников надзирателями на остров отправили. Так она знала, что у одного парнишки мать там. Мало ей было отправить парня туда!.. Так она сделала, чтобы его к матери надзирателем приставили! Подумай-ка, сын — материн тюремщик. Господи! — старушка перекрестилась.

— Ой, а мать что — так и не признала? — охнула Люська.

— Он-то не знал, что мамку охраняет. Мать?! Мать, може, не признала, а може, и признала — никто не знает. Умерла та женщина, сердце разорвалось. А эта гадина позвала парня и говорит: иди, мол, хорони свою мамашку. Разве ж женщина такой могёт быть?!

Отведя Клавку, Шурка вернулся, заглянул в комнатушку — напомнил, что им пора. Люська поблагодарила старушку и вышла за братом. А она крестила их вслед и бормотала благословения.

Шурка забрал у директора документы, в которых Люся была записана как мать. Одели потеплее Свету, распрощались и через чёрный выход вышли в темноту, в холод, где их ждал дядька Нил. Телега увозила закутанных в овчинный тулуп Шуркину дочку с сестрой...

Баржа с детьми ушла на материк вечером, а ночью к причалу буксир притащил другую. Арестантское утро карантинного барака началось с команды «с вещами — на выход!» и построения возле барака. Энкавэдэшник зачитал приказ о переводе женщин на материк, и бригаду повели на причал. Ночью шёл мокрый снег, будто створожившаяся морская вода тяжело дышала. Женщины стояли в холодном тумане, насыщенном сыростью, потом им разрешили сесть возле замшелых монастырских стен, в ожидании погрузки на баржу они тревожно перешёптывались. Никто не знал, что их ждет и что с ними будет там, на материке.

Нина посмотрела на тёмное расплывчатое пятно в море — это был Плачущий остров. На нём у нее прошли два страшных месяца до родов. Пока можно было скрывать беременность, она оставалась у Лукича, и лишь когда живот стал большим, ее отправили в карцер на Плачущий. Нина вместе с другими беременными и охранником выходила на барке за ламинариями, благо что росли они у берега в маленькой бухте, потом сушили. Ей показалось, что с острова потянуло запахом морской капусты и вонючей похлёбки из рыбьей требухи. Рожать её отвозили на Медвежий, и до вчерашнего утра она там жила со Светочкой и Александром. Два года счастья! Что бы с ней ни случилось — дочь он вырастит.

— Что расселась, заползай на баржу! — конвойный, присланный с материка, крикнул Нине почти в ухо.

Она поднималась по трапу, прощаясь с островом. Женщин спустили в трюм, и буксир потянул баржу в море. Через незапертый люк внутрь залетал ледяной ветер, над головами кружили белобрюхие чайки, иногда морские капли дождем окропляли женщин. Они волновались, что-то зловещее витало в воздухе. Неожиданно катер затих, решётка на трюме захлопнулась. Наступила тишина, и паника стала заползать в истоптанные души людей. Сначала — несколько, потом и все стали кричать, требуя открыть решётку. Но с палубы никто им не отвечал.

— Господи, нас бросили посреди моря! — донеслось откуда-то из трюма.

– Надо открыть решетку!

– Как открыть?! Голыми руками?

Кто-то пытался разбить решётку, кто-то плакал, кто-то кричал. Нина сидела в углу и молилась за дочь и мужа. И если цена их счастья её жизнь, она готова. Чем громче становился вокруг стон, тем спокойней было ей. За всё надо платить! Где-то в утробе судна что-то хлопнуло, оно наклонилось набок, в трюм стала просачиваться вода. Неожиданно баржа качнулась и стала двигаться – женщины охнули. Буксировочный катер подавал сигналы, заглушая женские голоса. Воды в трюме становилось всё больше и больше, обезумевшие женщины цеплялись друг за друга, истошно крича. Нина и ещё несколько человек, кто умел плавать, поднялись с водой до решётки.

– Господи! Я отдаю свою жизнь за ... – Вода заполнила весь трюм.

...Буксир уходил к острову, бросив баржу посреди моря. Никто на буксире не обернулся, не посмотрел, как вода заглатывает стонущую баржу. Она уходила под воду, оставляя за собой большую воронку. Чайки с криками парили над водой. Ледяные воды спрятали в своей утробе баржу – Студёное море приняло жертвоприношение.

Примечания

¹ Юдоль – здесь в перен. значении: мир горя, плача, печали, страдания, мук.

² Шелонник – юго-западный ветер, шальной ветер. (Здесь и далее значения диалектных слов и выражений объясняются по Словарию живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении И.М. Дурова.)

³ Зебель – зяблое место, болотина.

⁴ Поморская поговорка. Уходят рыбаки из дома в конце марта и лишь к середине мая попадают в Колу, а потом – на становища на промысел.

⁵ Крепкий север – название ветра.

⁶ Высшая мера социальной защиты – название смертной казни в советском уголовном праве.

⁷ Ветер-полуночник – северо-восточный ветер. Когда на этом румбе находится луна, то вода стоит в полном приливе.

⁸ Миляга – милая.

⁹ Каэрка – контрреволюционерка, обычно осужденная по статье 58 за контрреволюционную деятельность.

¹⁰ Евангелие от Матфея, 10:28.

¹¹ БУР – барак усиленного режима.

¹² «Пустить под трамвай» – групповое изнасилование.

¹³ «Очко на минус пошло?!» – испугаться.

¹⁴ «Закон – тайга, медведь – хозяин» – кто сильнее – тот и прав.

¹⁵ «Звонковая» – т.е. имеет срок «от звонка до звонка», не амнистируется.

¹⁶ Ламбина – небольшое озеро среди мхов.

¹⁷ Гноенник – прыщ, небольшой чирей с гнойной головкой.

Наталья Евгеньевна СТОМОНАХОВА

(настоящее имя – Наталья Силакова)

родилась в деревне Гимрека Ленинградской области.

Прозаик.

Окончила Московский институт

международного права и экономики имени А.С.Грибоедова.

Автор книг для детей и взрослых на русском и вепсском языках.

Публиковалась в журналах «Север» и «Carelia».

Член Союза писателей России.

